

Часть 3

Теоретические вопросы клишированности речи и текста

УДК 81'27

DOI 10.28995/2686-7249-2024-8-205-218

Прагматические рестрикции

Владимир И. Карасик

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

Москва, Россия, vkarasik@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются прагматические рестрикции, понимаемые как границы нормальной коммуникации в рамках определенных ситуаций. Нарушения таких границ ведут к коммуникативному сбою либо представляют собой перевод общения в сферу шуток. Эти рестрикции соотносятся с формально-структурными и семантическими языковыми нормами, имеют градуальный характер и варьируют от абсолютных запретов до приемлемых, но не рекомендуемых поступков. Прагматические рестрикции отражают этнокультурную специфику общения, определяя границы приемлемости и допустимости тех или иных коммуникативных действий в определенной культуре. Такие рестрикции подвержены изменениям, возникают новые ограничения и упраздняются прежние. Можно выделить несколько типов прагматических рестрикций: 1) этикетные, состоящие в фиксации принятых канонов доброжелательного уважительного общения, 2) фундаментальные, суть которых сводится к поддержанию важнейших форматов коммуникации, это в первую очередь относится к религиозным предписаниям и запретам, 3) продиктованные здравым смыслом в обиходных ситуациях, 4) ритуальные, представляющие собой автоматическое соблюдение традиционных примет, 5) политкорректные, являющиеся реакцией на нарушения прав угнетаемой или ранимой части населения, 6) дискурсивно-стилистические, характеризующие ситуативно определенные нормы коммуникативного поведения.

Ключевые слова: рестрикция, прагматика, коммуникативная норма, речевой поступок, этнокультурная специфика

Для цитирования: Карасик В.И. Прагматические рестрикции // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 8. С. 205–218. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-8-205-218

© Карасик В.И., 2024

Pragmatic restrictions

Vladimir I. Karasik

*Pushkin State Russian Language Institute,
Moscow, Russia, vkarasik@yandex.ru*

Abstract. The paper deals with pragmatic restrictions treated as limits of normal communication within certain situations. Violations of such limits result in communicative failure or switch the communication into a sphere of jokes. Such restrictions correlate with formal and semantic linguistic norms, they have a gradual nature and vary from absolute prohibitions to admissible, but not recommendable communicative actions. Pragmatic restrictions are ethno-culturally bound. They change in time, as new norms emerge and previous rules function no longer. Several types of pragmatic restrictions may be singled out in communication: 1) etiquette rules which fix the canons of demonstrating good will and respect; 2) fundamental norms of behavior which keep the most important communicative formats, mainly concerning religious prescriptions and prohibitions; 3) common sense rules in everyday personal communication; 4) ritual automatic adherence to traditional beliefs; 5) politically correct, which is a reaction to violations of the rights of an oppressed or vulnerable part of the population; 6) discourse and style norms characterizing situationally defined norms of communicative behavior.

Keywords: restriction, pragmatics, communicative norm, speech action, ethno-cultural specificity

For citation: Karasik, V.I. (2024), "Pragmatic restrictions", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies"* Series, no. 8, pp. 205–218, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-8-205-218

Введение

В коммуникативной практике и языковой системе существуют определенные рестрикции – ограничения и запреты на использование тех или иных языковых форм и коммуникативных поступков. Так, например, странно звучат фразы «У меня не есть терпение», «Я на маму разозлита», «Я пришел просить руки вашей жены». Неестественность этих и подобных высказываний обусловлена различными причинами – нормами фонетики, лексики и грамматики, особенностями речи детей или людей, плохо владеющих языком, непониманием культурных установлений или намеренным стремлением нарушить те или иные правила поведения чаще всего с игровой целью. Хрестоматийно известна фраза *"Colorless green"*

ideas sleep furiously” – «Бесцветные зеленые идеи яростно спят», придуманная с целью демонстрации расхождения между логико-семантической несостоятельностью высказывания и его грамматической правильностью.

Языковые рестрикции неоднократно привлекали к себе внимание лингвистов, рассматривающих языковую норму и отклонения от нее¹ [Булыгина, Шмелев 1990; Граудина 1996; Ильин, Сидорова 2021; Кронгауз 2008; Крысин 2008; Лаптева 1999; Мурзин 1989; Норман 1989; Разинкина 1982; Сиротинина 2000; Скворцов 1980]. Семантические рестрикции относятся к сфере номинации – если нет коммуникативной потребности называть что-либо, то такие окказиональные языковые единицы выглядят неестественно («клополюб», «стыдыня», «оказать участие» и др.). Вместе с тем подобные слова или фразы могут быть легко построены, поскольку создаются по определенным моделям языка. Прагматические рестрикции касаются различных запретов или непринятых поступков в сфере коммуникативного поведения («упасть ниц перед деканом для демонстрации уважения»). Прагматические рестрикции представляют собой реализацию коммуникативных постулатов, нарушение которых делает общение бессмысленным [Грайс 1985; Lakoff 1973; Leech 1983]. Изучение таких ограничений позволяет увидеть нормы поведения, принятые в той или иной культуре и требующие объяснения в межкультурной коммуникации [Воркачев 2014; Дементьев 2016; Карасик 2019]. Принципиально важно то, что прагматические рестрикции могут быть значимыми в одной культуре и незначимыми в другой по разным причинам.

Типы прагматических рестрикций

Можно выделить несколько типов прагматических рестрикций в общении.

К первому типу можно отнести этикетные рестрикции. В наши дни в России и во многих других странах странно будут выглядеть глубокие поклоны и реверансы при встрече людей, неравных по социальному статусу. Такого рода этикетные рестрикции обусловлены требованиями эпохи. Если мы видим подобное поведение в кино или на сцене, то мы принимаем его нормативность в соответствии с нашими представлениями об этой эпохе. Сюда же относятся и вербальные формулы этикета. Например, *Свидетельствую*

¹ Горбачевич К.С. Нормы современного русского литературного языка: Учеб. пособие. М.: Просвещение, 1981. 208 с.

Вам мое почтение, милостивый государь. Вместе с тем такие рестрикции носят градуальный характер. Фраза в конце личного письма «*Ваш покорный слуга*» может встретиться в переписке людей старшего возраста, но будет выглядеть иронично в сетевом дискурсе и, по-видимому, исключена в текстинге (обмене смс). Нарушения подобных этикетных запретов свидетельствуют о стремлении коммуниканта перевести общение в игровой формат. Этикетные рестрикции своеобразны для разных типов дискурса. В частной переписке возможны завершения писем словами «*Обнимаю*» или «*Целую*». Но подобные фразы в конце официального отчета превращают любой отчет в буффонаду. Соответственно, официальные традиционные завершения в переписке «*С искренним уважением*» будут выглядеть странно в личностном молодежном дискурсе.

Современное электронное общение внесло ощутимые изменения в нормы коммуникативного поведения. Показательно использование точки в смс – этот пунктуационный знак приобрел дополнительный смысл увеличения дистанции между участниками диалога. Вместе с тем такая рестрикция является относительно свободной, многие коммуниканты по-прежнему ставят знаки препинания в смс.

Назначение этикета, как известно, состоит в нейтрализации возможных коммуникативных сбоев и затруднений, и прежде всего в демонстрации доброго отношения к партнерам по общению. Некоторые этикетные рестрикции носят характер строгих запретов. Это касается использования местоимений второго лица в русском языке. Показательно точное определение функции неуместного сокращения дистанции при употреблении несимметричного общения на «Ты» – «Ты» хамское. Известно, что в некоторых семьях в России дети должны были обращаться на «Вы» к своим родителям. В Сербии использование местоимения второго лица при обращении к ровеснику имеет четко выраженную гендерную специфику: «Ты» – распространенный вариант обращения мужчины к мужчине и редкое исключение из общего узуса обращения мужчин к женщинам. В целом коммуникативная дистанция между людьми в Сербии короче, чем в России², и это существенным образом влияет на нормы общения и актуальные ограничения в выборе языковых средств. Своеобразны этикетные рестрикции в обращениях. Например, в Мали жена не имеет права обращаться к мужу по имени, используется ласкательное обращение. В ряде культур категорически запрещено не только обращаться к родителям мужа, но и даже инициировать общение с ними.

² Я благодарен А.Н. Матрусовой за комментарий.

Второй тип рестрикций касается фундаментальных установок в мировосприятии. Сюда относятся прежде всего правила поведения, обусловленные религиозными предписаниями и запретами. Например, студентки из стран исламского мира, приехавшие в нашу страну, отвечают в своих анонимных анкетах на вопрос *«Что показалось Вам наиболее странным в поведении современных жителей России?»* так: *«Мужчины могут дотрагиваться до женщин в разговоре»*. Гражданам нашей страны в свою очередь странными представляются таблички с выражением благодарности Богу, прикрепленные к стенам или к полу в католическом храме. Так, в одном из храмов Вены я увидел серию подобных табличек с благодарностью за чудесное выздоровление и спасение. Более всего меня поразила следующая табличка: *«Спасибо Тебе! Я знал, что Ты меня не подведешь»*. Аналогичное несовпадение жизненных установок имело место при разговоре с немецкими инженерами-нефтяниками, работавшими в совместном предприятии с российскими сотрудниками в нашей стране. У одного из наших сотрудников, весьма пожилого человека, умерла жена, и немецкие коллеги посчитали необходимым участвовать в церемонии похорон. При личной встрече они мне сказали, что были поражены тем, что во время этого печального ритуала никто не произнес речи у гроба. Произнесение речи у гроба в русской лингвокультуре обязательно при прощании с людьми, имевшими определенный публичный статус, в других случаях такое коммуникативное действие факультативно. В Германии отсутствие такого прощального слова воспринимается как резкое нарушение социальных норм.

Рестрикции третьего типа можно назвать ограничениями, закрепляющими нормы здравого смысла. Нарушения таких норм свидетельствуют о том, что субъект страдает определенными психическими отклонениями или имитирует их. Таковы, например, высказывания людей с аутистическим спектром. Главное отличие этих высказываний – наделение значений слов произвольными смыслами: *«Город уже сварился, можно его выпускать на волю»*. Подобная криптосемантика в обиходной ситуации общения обращена в никуда. Отметим, что в художественной речи сильным приемом является авторская метафора, смыкающаяся с катахрезой – использованием слов в произвольном значении. Заслуживают внимания фразы детей, для которых таких рестрикций не существует³: *игра – взаправдашняя понарошность; спираль – застывшая в танце прямая; шар – куб без углов и рёбер*. Сюда же относятся

³ Афоризмы Сони Шаталовой – девочки, страдающей аутизмом. URL: <https://dzen.ru/a/Y2F71bDwUhUm1t0K> (дата обращения 15 июня 2024).

коммуникативные действия, нарушающие общепринятые правила поведения: нельзя в магазине взять товар и уходить, не расплатившись; нельзя обнимать или обнюхивать незнакомых людей; нельзя спрашивать прохожих, где находится ближайший космодром и т. д. Отметим, что виртуализация общения в определенной мере способствует размыванию таких рестрикций и принятию мысли о том, что данный мир является не более чем иллюзией.

Отдельную разновидность намеренного нарушения здравого смысла составляют поступки людей, стремящихся карнавально перевернуть (и тем самым подтвердить) принятые нормы поведения. Таковы, например, монстрации – художественные акции для самовыражения, обычно с плакатами, на которых написаны абсурдные лозунги. Например: «*Ад наш!*», «*Пора окститься*», «*Мам, купи мне динозавра!*».

К четвертому типу коммуникативных рестрикций можно отнести соблюдение определенных норм обиходного поведения, зафиксированных в приметах и суевериях. Так, во многих сообществах по-прежнему боятся сглаза, и поэтому люди избегают говорить кому-то при встрече: «*Какой у тебя красивый и здоровенький ребенок!*». Если это все же будет сказано, то в ответ прозвучит заклинание: «*Тьфу-тьфу-тьфу!*», и нужно постучать по дереву. Многие запреты касаются видов деятельности, сопряженных с риском. Летчики избегают словосочетания «*последний полет*», нужно использовать прилагательное «*заключительный*». В актерской среде иногда действует запрет поднимать с пола упавший во время репетиции сценарий спектакля – сначала нужно сесть на него. Студенты не хотят сообщать точной даты экзамена. Раньше считалось, что перед экзаменом нельзя мыть голову. Аналогичный смысл имеет диалогическое клише «*Ни пуха, ни пера!*» – «*К черту!*». В Италии с целью преодоления сглаза иногда используется «*джеттатура*» – жест в виде мизинца и указательного пальца, в то время как средний и безымянный прижаты к ладони. В наши дни такую джеттатуру могут держать за спиной. В нашей стране этот жест называется «*коза*» и имеет другие значения – либо это угроза, распространенная на зоне («*Я тебе глаза выколю!*»), либо так называемая «*распальцовка*», шутливая демонстрация своего высокого статуса, распространенная в 90-е гг. прошлого века. В России держат кукиш в кармане, чтобы избежать сглаза, отсюда и шутовское понимание этого жеста – быть против, но не показывать этого. Существует множество подобных примет в разных культурах. Во Вьетнаме студенты избегают есть яйцо перед экзаменом, поскольку по форме оно напоминает ноль – отрицательную оценку. Многие приметы в русской лингвокультуре обозначают возможность потери денег – нельзя

свистеть в доме, нельзя выносить мусор вечером, нельзя передавать деньги, стоя на пороге. В культуре народов банту в Африке нарушение некоторых запретов имплицитно подразумевает вероятность рождения больного ребенка – например, нельзя нести на голове наполовину наполненное ведро или заключать брак с родственником. У этих рестрикций есть культурологические объяснения, но в данном случае нужно подчеркнуть идею запрета, который для определенных людей императивен, а для других является просто традиционной автоматической формой реакции на то или иное действие.

Пятый тип коммуникативных рестрикций получил распространение в современной западной цивилизации под рубрикой «политическая корректность». Эта тема неоднократно привлекала внимание исследователей [Ларина 2009; Леонтович 2005; Палажченко 2004; Панин 2004; Стернин 1998; Тер-Минасова 2000]. Исходный смысл такого коммуникативного поведения состоит в стремлении избежать нанесения морального ущерба тем, кого раньше считали людьми, относящимися к низшему слою общества, либо тем, кто имеет определенные дефекты внешности или отстает в развитии. Это прежде всего коснулось гендерных вопросов, неполиткорректными стали слова, выдвигавшие мужчин на первое место или закреплявшие за женщинами тот или иной вид деятельности: нельзя говорить и писать *“sportsman, housewife”*, нужно использовать лексические единицы *“sports lover, home keeper”*, изменились нормы грамматики, вместо местоимения третьего лица единственного числа *“he”* во многих случаях стали использовать либо сочетание *“he / she”*, либо множественное число *“they”*. В русском языке это выразилось в активно продвигаемых в социальных сетях феминитивах *«авторка, режиссерка, сценаристка»* и др. Аналогичное коммуникативное поведение наблюдается при упоминании чернокожих жителей США: сначала стало запретным исходное слово *“negro”*, затем *“Black”* и *“Afro-American”*. Английское коммуникативное поведение, как известно, тяготеет к косвенному и эвфемистическому обозначению различных явлений или характеристик объектов. Люди низкого роста стали обозначаться как *“vertically challenged”*, те, чья фигура не соответствует стандарту внешности, – как *“horizontally challenged”*, ученики с низким уровнем интеллектуального развития – как *“slow learners”*. Неполиткорректным в наши дни стало обозначение *«даун»*, принято говорить *«солнечные дети»*. Это же относится и к обозначению людей преклонного возраста, не рекомендуется использовать слова *«старый, пожилой»*, хорошим тоном стал их эквивалент *«взрослые граждане»*. Прямое обозначение национальности в определенный момент стало восприниматься как неудобное, поэтому появились канцеляризмы *«граждане еврейской национальности, кавказской национальности»*.

В рамках этого типа рестрикций можно выделить те обозначения, которые обусловлены рекламной тенденцией продвижения определенных товаров или стиля жизни. В англоязычной рекламе не используются прилагательные *“little, artificial”* (маленький, искусственный), вместо этих слов употребляются их функциональные синонимы *“fun-sized, hand made”*. Есть вагоны первого класса, но нет вагонов второго класса, используется словосочетание *“standard class”*. Эвфемистически заменяются наименования непрестижных профессий: вместо *“nightman”* (ассенизатор) используется сочетание *“sanitation engineer”*. Изменилось и обозначение кладбища: вместо прежнего слова *“graveyard”* используется словосочетание *“memorial park”*.

Шестой тип прагматических коммуникативных рестрикций составляют различные ограничения, касающиеся стилистики речи. Такого рода рестрикции обусловлены здравым смыслом и требованием ситуативного соответствия речи обстоятельствам общения. Это требование было сформулировано Цицероном как принцип уместности речи. В постулатах общения известна формула:

Don't use fourteen letter words with your child and four letter words with your mother-in-law

Не используйте слова из четырнадцати букв в разговоре с ребенком и слова из четырех букв (вульгаризмы) в разговоре с тещей.

Такая уместность имеет как дискурсивную, так и регистровую специфику.

Дискурсивная специфика прагматических рестрикций

В дискурсивном плане необходимо соблюдать жанровые каноны устной и письменной речи в различных ситуациях. В научном дискурсе считается серьезным нарушением коммуникативных норм несоблюдение регламента во время устного доклада на конференции. В современном письменном научном дискурсе отсутствие аннотации и ключевых слов в научной статье является формальным основанием для отказа в публикации. Интересен факт, относящийся к дипломатическому и политическому дискурсу: известно, что президент Франции Шарль де Голль, выходя на трибуну во время официальных мероприятий, доставал из кармана сложенный листок и делал вид, что зачитывает подготовленный текст. Выступление без подготовленной речи в тех культурно-исторических условиях, видимо, не одобрялось. Неприемлемым

в публичных жанрах политического дискурса является оскорбление оппонентов, хотя существуют определенные уловки, позволяющие обойти этот запрет. Показателен фрагмент дебатов в Британском парламенте в ноябре 1984 г.⁴:

Mr. Dennis Skinner. On a point of order, Mr. Speaker. ... I should have thought that it was taking things a little too far even for this pompous sod down here –

Mr. Speaker. Order. I must ask the hon. Gentleman immediately to withdraw that word, which I will not mention again.

Mr. Skinner. I withdraw the word “pompous”.

Скиннер. Относительно порядка, г-н Председатель. ... Я бы сказал, что это несколько выходит за рамки даже для такого напыщенного содомита здесь...

Председатель. Порядок. Я должен призвать уважаемого господина немедленно аннулировать это слово, которое я не буду повторять.

Скиннер. Я аннулирую слово «напыщенный».

Фактически член Палаты общин нанес серьезное оскорбление своему коллеге.

В академическом дискурсе есть множество правил поведения, несоблюдение которых ведет к прекращению общения и последующим институциональным действиям, например использование шпаргалок на экзамене. Рестрикциями для медийного дискурса являются нормы, сформулированные в законодательстве (например, нельзя разглашать государственные секреты или призывать к национальной розни) и составляющие суть массмедиа (нельзя тиражировать информацию массам, не являющуюся актуальной для широкой аудитории, например, личную информацию рядового гражданина, нельзя распространять недостоверную информацию). Распространение фейков стало в наши дни частотным приемом средств массовой информации. Не случайно существует жанр «опровержение» как выработанный инструмент социального контроля и противодействия в медийном дискурсе.

Заслуживают внимания прагматические рестрикции в сетевом дискурсе. Опрос участников этого вида общения (студенты Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина) показал, что наши современники считают недопустимым следующее:

⁴ Points of order. Vol. 67: Debated on Monday 12 November 1984. URL: <https://hansard.parliament.uk/Commons/1984-11-12/debates/9e427e19-589b-44c9-8d1c-6457f17d6ef6/PointsOfOrder?highlight=pompous%20sod> (дата обращения 15 июня 2024).

распространять личные данные; оскорблять участников коммуникации; призывать к противоправным действиям (травле, насилию, терроризму и т. д.); переходить по непроверенным ссылкам (есть опасность попадания вирусов на компьютер / гаджет / ноутбук); употреблять в общении обценную лексику (брань, вульгаризмы, мат, дисфемизмы); отправлять денежные средства и иную помощь в непроверенные фонды, ассоциации, приюты (есть риск столкнуться с мошенничеством); притеснять / высмеивать людей по признакам пола, расы, нации, вероисповедания и т. д.; предоставлять информацию о своих документах, накоплениях, месте нахождения; распространять спам (рекламные, агитационные тексты); выкладывать фото и видео без разрешения правообладателя; нарушать авторские права.

Подобные рекомендации прослеживаются в ответах других информантов:

не указывать личные данные на сомнительных сайтах; быть аккуратным в общении с незнакомыми лично людьми, не делиться личными данными, важной информацией, которой лучше остаться конфиденциальной (например, домашним адресом); не верить всей информации, публикуемой в интернете, всегда мыслить критически и проверять информацию; не ставить геолокацию при публикации фото в блоге или социальной сети; не доверять сомнительным названиям сайтов, дабы не стать жертвой фишинга; не указывать одинаковые, простые пароли на разных сайтах; быть аккуратными с совершением интернет-платежей, не переводить деньги сомнительным лицам, знать принципы работы интернет-мошенников; соблюдать сетевой этикет, не оскорблять собеседников, с уважением относиться к чужому мнению, не участвовать в сетевом буллинге, в специализированных обсуждениях не отходить от темы – не «флудить».

Приведенные примеры показывают, что прагматические рестрикции в сетевом дискурсе сводятся к соблюдению юридических, моральных и утилитарных правил общения.

Заключение

Прагматические рестрикции представляют собой осознаваемые участниками общения границы нормальной коммуникации, нарушение которых ведет к коммуникативному сбою либо представляет собой перевод общения в сферу шуток. Эти ограничения имеют градуальный характер, они варьируют от абсолютных запретов

до приемлемых, но nereкомендуемых поступков. Прагматические рестрикции отражают этнокультурную специфику общения, то, что неприемлемо в одной культуре, может быть допустимо в другой. Такие рестрикции подвержены изменениям, возникают новые ограничения и упраздняются прежние. Можно выделить несколько типов прагматических рестрикций: 1) этикетные, состоящие в фиксации принятых канонов доброжелательного уважительного общения, 2) фундаментальные, суть которых сводится к поддержанию важнейших форматов коммуникации, это в первую очередь относится к религиозным предписаниям и запретам, 3) продиктованные здравым смыслом в обиходных ситуациях, 4) ритуальные, представляющие собой автоматическое соблюдение традиционных примет, 5) политкорректные, являющиеся реакцией на нарушение прав угнетаемой или ранимой части населения, 6) дискурсивно-стилистические, характеризующие ситуативно определенные нормы коммуникативного поведения.

Литература

- Булыгина, Шмелев 1990 – *Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Аномалии в тексте: проблемы интерпретации // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста. М.: Наука, 1990. С. 94–106.
- Воркачев 2014 – *Воркачев С.Г.* Воплощение смысла: *conceptualia selecta*: Монография. Волгоград: Парадигма, 2014. 331 с.
- Грайс 1985 – *Грайс П.* Логика и речевое общение // Лингвистическая прагматика: Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. С. 217–237.
- Граудина 1996 – *Граудина Л.К.* Проблемы нормирования русского языка: реальность и прогнозы // Культура русской речи и эффективность общения. М.: Наука, 1996. С. 177–199.
- Дементьев 2016 – *Дементьев В.В.* Речезанровые коммуникативные ценности в новых и новейших сферах русской речи: монография. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2016. 396 с.
- Ильин, Сидорова 2021 – *Ильин Д.Ю., Сидорова Е.Г.* Вариативность языковой нормы при функционировании топонимов: проблемы и противоречия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2021. № 17 (4). С. 615–632.
- Карасик 2019 – *Карасик В.И.* Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. М.: Гнозис, 2019. 424 с.
- Кронгауз 2008 – *Кронгауз М.* Русский язык на грани нервного срыва. М.: Знак: Языки славянских культур, 2008. 232 с.
- Крысин 2008 – *Крысин Л.П.* Кодификация нормы и языковые традиции // Русский язык в школе. 2008. № 7. С. 77–82.

- Лаптева 1999 – *Лаптева О.А.* Живая русская речь с телеэкрана: Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте. М.: УРСС, 1999. 520 с.
- Ларина 2009 – *Ларина Т.В.* Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Языки славянских культур, 2009. 512 с.
- Леонтович 2005 – *Леонтович О.А.* Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения: монография. М.: Гнозис, 2005. 352 с.
- Мурзин 1998 – *Мурзин Л.Н.* Норма, речевой прием и ошибка с динамической точки зрения // Речевые приемы и ошибки: типология, деривация, функционирование: Сб. науч. трудов. М.: Ин-т языкознания, 1989. С. 5–13.
- Норман 1989 – *Норман Б.Ю.* К типологии речевых ошибок (на синтаксическом материале) // Речевые приемы и ошибки: типология, деривация, функционирование: Сб. науч. трудов. М.: Ин-т языкознания, 1989. С. 14–22.
- Палажченко 2004 – *Палажченко М.Ю.* Политическая корректность в языковой и культурной традиции (на английском и русском материале: Автореф. дис. ... канд. культурологии. М., 2004. 28 с.
- Панин 2004 – *Панин В.В.* Политическая корректность как культурно-поведенческая и языковая категория: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2004. 19 с.
- Разинкина 1982 – *Разинкина Н.М.* О понятии языковая норма применительно к функциональному стилю // Основные понятия и категории лингвостилистики: Межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 1982. С. 98–102.
- Сиротинина 2000 – *Сиротинина О.Б.* Русский язык в разных типах речевых культур // Русский язык сегодня. Вып. 1: Сб. статей. / Отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Азбуковник, 2000. С. 240–248.
- Скворцов 1980 – *Скворцов Л.И.* Теоретические основы культуры речи. М.: Наука, 1980. 352 с.
- Стернин 1998 – *Стернин И.А.* Американские коммуникативные табу // Язык и национальное сознание. Воронеж: Истоки, 1998. С. 65–66.
- Тер-Минасова 2000 – *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово / Slovo, 2000. 264 с.
- Lakoff 1973 – *Lakoff R.* The Logic of Politeness, or, Minding Your P's and Q's // Papers from the 9th Regional Meeting / Chicago Linguistic Society. Chicago, 1973. P. 292–305.
- Leech 1983 – *Leech G.N.* Principles of pragmatics. London: Longman, 1983. 250 p.

References

- Bulygina, T.V. and Shmelev, A.D. (1990), “Anomalies in the text. Issues of interpretation”, *Logicheskii analiz yazyka: Protivorechivost' i anomal'nost' teksta* [Logical analysis of language. Contradictions and anomalies of text], Nauka, Moscow, Russia, pp. 94–106.

- Grice, H.P. (1985), "Logic and Conversation", *Lingvisticheskaya pragmatika: Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [Linguistic Pragmatics. New trends in foreign Linguistics], Progress, Moscow, Russia, iss. 16, pp. 217–237.
- Graudina, L.K. (1996), "Challenges of norms in the Russian language. Reality and prognosis", *Kul'tura russkoi rechi i effektivnost' obshcheniya* [Russian speech culture and communication efficiency], Nauka, Moscow, Russia, pp. 177–199.
- Dement'ev, V.V. (2016), *Rechezhanrovye kommunikativnye tsennosti v novykh i noveishikh sferakh russkoi rechi: monografiya* [Speech genre communicative values in new and newest spheres of Russian speech. A monograph], Izd-vo Sarat. un-ta, Saratov, Russia.
- Il'in, D.Yu. and Sidorova, E.G. (2021), "Variability of the language norm in the functioning of toponyms: problems and contradictions", *Vestnik of Saint Petersburg University Language and Literature*, no. 17 (4), pp. 615–632.
- Karasik, V.I. (2019), *Yazykovaya spiral': tsennosti, znaki, motivy* [Linguistic spiral. Values, signs, motifs], Gnozis, Moscow, Russia.
- Krongauz, M. (2008), *Russkii yazyk na grani nervnogo sryva* [The Russian language on the verge of nervous breakdown], Znak: Yazyki slavyanskikh kul'tur, Moscow, Russia.
- Krysin, L.P. (2008), "Codification of norm and language traditions", *Russian Language at School*, no. 7, pp. 77–82.
- Lakoff, R. (1973), "The Logic of Politeness, or, Minding Your P's and Q's", *Papers from the 9th Regional Meeting*, Chicago Linguistic Society, Chicago, USA, pp. 292–305.
- Lapteva, O.A. (1999), *Zhivaya russkaya rech' s teleekrana: Razgovornyy plast televizionnoi rechi v normativnom aspekte* [A living Russian speech from TV screen. A colloquial layer of TV speech in the normative aspect], URSS, Moscow, Russia.
- Larina, T.V. (2009), *Kategoriya vezhlivosti i stil' kommunikatsii: Sopostavlenie angliiskikh i russkikh lingvokul'turnykh traditsii* [A category of politeness and communication style. A comparison of English and Russian linguistic and cultural traditions], Yazyki slavyanskikh kul'tur, Moscow, Russia.
- Leech, G.N. (1983), *Principles of pragmatics*, Longman, London, UK.
- Leontovich, O.A. (2005), *Russkie i amerikantsy: paradoksy mezhkul'turnogo obshcheniya: monografiya* [Russians and Americans. Paradoxes of intercultural communication. A monograph], Gnozis, Moscow, Russia.
- Murzin, L.N. (1989), "Norm, speech technique and error from a dynamic point of view", *Rechevye priemy i oshibki: tipologiya, derivatsiya, funkcionirovanie: Sb. nauch. trudov*. [Speech technique and errors. Typology, derivation, functioning, A collection of articles], In-t yazykoznaniya, Moscow, Russia, pp. 5–13.
- Norman, B.Yu. (1989), "On a typology of speech errors (on the syntactic material)", *Rechevye priemy i oshibki: tipologiya, derivatsiya, funktsionirovanie: Sb. nauch. trudov* [Speech technique and errors. Typology, derivation, functioning, A collection of articles], In-t yazykoznaniya, Moscow, Russia, pp. 14–22.
- Palazhchenko, M.Yu. (2004), *Political correctness in linguistic and cultural tradition (on the English and Russian material)*, Abstract of the PhD dissertation, Moscow, Russia.

- Panin, V.V. (2004), *Political correctness as a cultural, behavioral and linguistic category*, Abstract of the PhD dissertation, Tyumen', Russia.
- Razinkina, N.M. (1982), "On the notion of linguistic norm relating to a functional style", *Osnovnye ponyatiya i kategorii lingvostilistiki: Mezhdvuz. sb. nauch. tr.* [Basic concepts and categories of linguistic stylistics. Interuniversity collection of articles], Perm, Russia, pp. 98–102.
- Sirotinina, O.B. (2000), "The Russian language in various types of speech cultures", Krysin, L.P. (ed.), *Russkii yazyk segodnya. Vyp.1: Sb. statei* [The Russian language today, iss. 1, A collection of articles], Azbukovnik, Moscow, Russia, pp. 240–248.
- Skvortsov, L.I. (1980), *Teoreticheskie osnovy kul'tury rechi* [Theoretical foundations of speech culture], Nauka, Moscow, Russia.
- Sternin, I.A. (1998), "American communicative taboo", *Yazyk i natsional'noe soznanie*. [Language and national consciousness], Istoki, Voronezh, Russia, pp. 65–66.
- Ter-Minasova, S.G. (2000), *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Language and intercultural communication], Slovo / Slovo, Moscow, Russia.
- Vorkachev, S.G. (2014), *Voploshchenie smysla: conceptualia selecta: monografiya*. [Implementation of meaning. Conceptualia selecta. A monograph], Paradigma, Volgograd, Russia.

Информация об авторе

Владимир И. Карасик, доктор филологических наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия; 117485, Москва, ул. академика Волгина, д. 6; vkarasik@yandex.ru

Information about the author

Vladimir I. Karasik, Dr. of Sci. (Philology), professor, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia; bld. 6, Akademika Volgina Street, Moscow, Russia, 117485; vkarasik@yandex.ru